

ЭТИМОЛОГИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ЧИСТЫЙ* В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ДИАХРОННОЙ СЕМАНТИКИ

Досліджуються механізми семантичного розвитку прикметника *чистий*, подання багатозначного слова як цілісної динамічної структури, що змінюється в часі. Відтворюється, наскільки це дозволяє матеріал, семантична структура слова *чистий* у всій її цілісності, від реконструкції семантичного потенціалу праслов'янської основи до сучасного стану.

Исследуются механизмы семантического развития прилагательного *чистый*, представления многозначного слова как целостной динамической структуры, которая изменяется во времени. Воссоздается, насколько это позволяет материал, семантическая структура слова *чистый* во всей ее целостности, от реконструкции семантического потенциала праславянской основы до современного состояния.

The mechanisms of semantic development of adjective *clean*, presentation of a polysemantic word as integral dynamic structure which changes in time are investigated. As far as it is allowed by the material, semantic structure of the word *clean* in all its integrity, from the reconstruction of semantic potential of protoslavonic basis to the modern state are reproduced.

Развитие лингвистики на современном этапе характеризуется все более углубленным вниманием к семантике языковых единиц. Интересующее нас прилагательное *чистый* относится к словам, склонным к диффузной полисемантической. Проблемы полисемии традиционно активно разрабатываются в связи с исследованиями в области теоретической семантики и изучением лексического строя современных языков (работы Московской семантической школы, в особенности Ю. Д. Апресяна и Е. В. Падучевой, представителей когнитивной лингвистики, а также Н. Д. Арутюновой, И. М. Богуславского, Т. В. Бульгиной, В. Г. Гака, Т. М. Николаевой, Е. В. Рахилиной). В частности, в лексикографии возникла особая методика описания многозначных слов – *лингвистическое портретирование*.

Цель нашей работы – обобщить данные по этимологии прилагательного *чистый*. Задачи исследования – проследить развитие семантики названного многозначного слова, установить общее и отличное в его значениях на разных этапах развития языка.

Задачу по возможности полного описания истории слова, то есть создание его «биографии», должна ставить перед собой диахроническая семантика, которая как эмпирическая дисциплина начала формироваться ещё в конце XIX в. в работах Г. Пауля, А. Дарместетера, М. Бреала, В. Вундта, А. А. Потебни. Тогда же возник особый лексикографический жанр – исторический словарь [13, с. 761].

Обращение к фактам диахронии в рамках синхронного исследования обусловлено, очевидно, происходящей в настоящий момент сменой научной парадигмы, характеризуемой *установкой на объяснительность*. Характерно обращение к диахроническому материалу в последних работах ряда исследователей синхронной семантики – например, работы Урысон и Яковлевой, где рассматриваются многочисленные примеры того, как слово изменило свой исконный смысл, но «помнит» нечто из своего прошлого, и эта «память» влияет на его употребление. Можно привести целый ряд высказываний авторов разных направлений на тему о том, что

синхронная полисемия представляет собою не что иное, как проекцию диахронического развития на синхронную плоскость [3, с. 2–3].

С появлением структурализма с его интересом к фактам синхронии диахроническая семантика, в рамках которой закладывались основы общей теории семантики, отступила на второй план, уступив место синхронной. Однако работа по описанию семантической эволюции отдельных слов или групп слов, а также по созданию исторических словарей достаточно активно велась на протяжении всего XX века.

Исследователи-русисты пока не располагают историческим словарем русского языка: те лексиконы, которые привычно называются «историческими» (Материалы для словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.), Словарь русского языка XI–XVII вв. и под.), скорее, представляют собою статическое описание лексики и семантики, хотя бы и совмещающее лексический материал разных временных «срезов». Они дают сведения, которые должны быть положены в основу диахронического исследования, но самой этой динамики в открытом виде читателю не предъявляют. Однако жанр «история слова» является достаточно традиционным для русского языкознания. Следует отметить, что иногда под историей развития семантики слова понимается лишь коллекционирование всех зафиксированных для этого слова значений. В тех же случаях, когда речь заходит о семантических процессах, имевших место в прошлом, исследуется не семантическая структура слова в целом, а лишь какой-либо её фрагмент (т. е. переход от одного значения к другому или другим), при этом его соотнесение с современным языком либо отсутствует, либо сводится к указанию на наличие / отсутствие данного значения (данных значений) в современном узусе. Между тем, назрела необходимость представления многозначного слова как целостной динамической структуры, постоянно перестраивающейся во времени, а самой многозначности – как пучка семантических процессов, связанных с мышлением человека, порождающих эту структуру, обеспечивающих её функционирование и трансформации. С этой точки зрения принципиальной разницы между синхронией и диахронией не существует.

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на принципиальную гипотетичность любой реконструкции истории семантического развития слова (связанную, в частности, с такими хорошо известными объективными факторами, как неполнота дошедшего до нас корпуса древних текстов, достаточно узкий спектр их жанров, отсутствие полного тезауруса, принципиальная неverifiedируемость положений, существует множество фактов, учет которых может способствовать повышению уровня её достоверности.

Описание развития семантической структуры слова невозможно без обращения к этимологическому гнезду, а, следовательно, предполагает учитывать:

- 1) словообразовательные связи в пределах литературного языка;
- 2) словообразовательные связи в пределах одного языка (т. е. данные диалектов);
- 3) словообразовательные связи в пределах родственных языков (данные языков, принадлежащих к одной семье) [13, с. 761–765].

Следует отметить, что для современной этимологии, традиционно вычлняющей этимологическое гнездо на фонетико-морфологических и словообразовательных основаниях, характерен интерес к семантическому анализу и семантическим параллелям, т. е. к типологии семантических изменений. Особенно большую пользу при этимологизации русских слов может принести языковеду знание литовского языка, поскольку из всех индоевропейских языков именно литовский (как и латышский) наиболее близок к славянским языкам. На значение литовского языка

для славянского языкознания ещё в середине XIX века указывал выдающийся русский славист А. Ф. Гильфердинг [5, с. 113].

Прилагательные, имеющее основу <чист>, представлены только в славянских языках (укр. *чистий*, болг. *чист*, сербохорв. *чист*, *чиста*, *чист*). Рассматривая некоторые черты московской скорописи XVII века, Н. И. Тарабасова рассматривает слова *чист*, *нечист*, *prechist* в ряду «обычно сокращаемых слов», встречающихся в глаголических и кирилловских рукописях [10, с. 214]. Относительно этимологии данного адъектива существует несколько гипотез, что, возможно, связано с его многозначностью, проявляющейся с самых древних времен.

Самая достоверная, на наш взгляд, гипотеза представлена в этимологическом словаре М. Фасмера. Согласно этой гипотезе, прилагательное *чистый* восходит к праславянскому слову **čistъ*, чистый и связано чередованием гласных с др.-русск. **цѣстити** «чистить», ст.-слав. **цѣстити** – то же, далее, возм., сюда же *cěditi* (*цедить*). Родственно др.-прусс. *skijstan* «чистый», лит. *skýstas* «жидкий» (к данному слову отсылает нас и Словарь И. И. Срезневского – ср. лит. *Skystas* = *skeistas* [9, с. 1534]), лтш. *škīsts* – то же, *škīsts* «чистый, целомудренный», также лит. *skaidrius* «ясный, сияющий», лит. *skáistas* «яркий», *skiesti*, *skiedžiu* «разбавлять, разделять», далее – др.-исл. *skíta* «испражняться», лат. *scindō*, *scicidī* «раскалывает» [11; с. 366–367].

Автором второй гипотезы является Н. М. Шанский. По его мнению, прилагательное *чистый* образовано как форма страдат. причастия с суф. *-m-* от глагольной основы, выступающей в перегласованном виде в *цедить*. Современное *чистый* развилось из **keidtъ* > **kidtъ* > **kittъ* после изменения К в Ч и сочетания *tt* в *ct*. Первоначальное значение – «процеженный, очищенный», далее – «чистый». Ср.: *Цедить*. Общеславянское, имеющее соответствия в некоторых индоевропейских языках (ср. лит. *Skiesti* – «отделять», лат. *Scindo* – «разрываю», греч. *chēzo* – тж. и др.). Современная форма развилась из **цѣдити** после отпадения конечного безударного и изм. **ѣ** в **е**. Тот же корень, но с перегласовкой выступает в *чистый* [12, с. 483, 495].

В Этимологическом словаре славянских языков (праславянский лексический фонд) находим следующее толкование прилагательного **xodogъjъ* – цслав. *Хждогъ*, *peritus*, польск. стар. *chędogi*, прилаг. 'чистый, опрятный, порядочный', 'красивый, нарядный'.

Словарь И. И. Срезневского фиксирует так же слово *чистотъныи* для передачи значения чистый – в значении «чистый», «очистительный» и «праведный», и насчитывает 20 значений прилагательного *чистый*, 8 из которых имеют однословный синоним и связаны с религиозными понятиями (очистительный, неоскверненный, непорочный, правильно верующий, праведный, святой, совершенный, священный) [9, с. 1532–1534]. Слово *чистый* используется для характеристики духовного или религиозного состояния человека / предмета и не подразумевает отсутствие материальной грязи. Оно свидетельствует лишь о том, соответствует ли данный предмет / человек религиозным требованиям. В культурах многих народов мира существует понятие *ритуальной чистоты* или *ритуальной нечистоты* тех или иных предметов, животных или людей.

Разница между ними заключается в том, что чистый предмет или человек признается достойным находиться в присутствии Божиим и участвовать в богослужении, а нечистый предмет или человек – нет. Определить, чистый тот или иной предмет или нечистый, можно лишь исходя из религиозных установлений данного

общества, поскольку практикуемые в разных странах и у разных народов ритуалы сильно различаются.

В Библии первое разделение на чистых и нечистых встречается в Книге Бытия 7:2, где говорится, что Ной взял с собой в ковчег по паре от всех видов чистых и нечистых животных. Законы, определяющие ритуальную чистоту или нечистоту, были переданы иудеям Богом через Моисея и зафиксированы в Книге Левит [6, с. 2–4].

Несколько иная трактовка появления слова *нечистый* представлена в работе В. Н. Немченко, который связывает введение в употребление данного адъектива с языковыми табу, с использованием подставных слов вместо запрещенных названий определенных лиц, животных или неодушевленных предметов (лукавый, нечистый, окаянный – вместо «бес», «черт», «дьявол», «сатана») [4, с. 25].

При рассмотрении отдельных этимологий ученым не раз приходилось обращаться к материалам родственных индоевропейских языков. Но во всех этих случаях этимология слова обычно устанавливалась на основании данных русского языка (включая сюда и древнерусский язык). Индоевропейский материал, как правило, привлекался только для того, чтобы подтвердить правильность приведенной этимологии. Однако нередки случаи, когда ни памятники древнерусской письменности, ни данные близкородственных славянских языков не в состоянии прояснить происхождение того или иного слова, особенно если речь идет о каком-то очень древнем образовании, восходящем ещё к индоевропейской эпохе. Именно в этих случаях существенную помощь в этимологическом исследовании может оказать привлечение соответствий из родственных индоевропейских языков: балтийских, индоиранских, германских, латинского, древнегреческого [5, с. 103–104].

Чрезвычайно важно разобраться в различии слов *чистый* и *святой*, т. к. существует мнение, что слово *святой* (святой предмет) происходит от греческого <'agios, \ 'агиос, тогда как «всё, что нельзя определить как святое, относится к ряду <обычного> и происходит от греч. koin'os, койн\ 'ос».

В Новом Завете слова обычный и чистый практически всегда употребляются как синонимы, их различают лишь немногие переводы.

Греческое прилагательное kajar'os, *катар\ 'ос* наиболее адекватно переводится на другие языки как *чистый*.

Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля фиксирует 4 значения адъектива *чистый*, связанные с религиозными нормами и понятиями:

1. *Чистая пища* – опрятно изготовленная, или дозволенная, непоганая.
2. *Чистый день* – пон. на первой неделе влк. Поста; похмелье и баня; местами на страстной, или тотъ и другой.
– *четверг* страстной, память омовенья ногъ.
3. *Чистейший во плоти* – Христось.
4. *Непорочный* – Это человекъ чистый [2, с. 606–607].

Словарь языка Пушкина фиксирует лишь значение «беспорочный» (не подверженный страсти, ничему греховному / очищающий от всего дурного, низменного) и словосочетание *чистый понедельник* [8, с. 919–920].

Концептуализация, осмысление человеком поступающей к нему информации, выступает как естественный процесс порождения новых смыслов, трансформирующих и постоянно пополняющих концептуальную систему, и обладает характером непрерывности, как и процесс познания в целом. В Словаре русского языка в 4-х томах [7] не представлено ни одно из рассмотренных выше значений прилагательного *чистый*. Можно предположить, что на механизмы семантических изменений влияют разные факторы (например, системные связи, историко-культурный контекст), причем степень актуальности того или иного фактора (в данном случае –

вопросы веры) неодинакова. Совершенно очевидно, что отсутствие в толковом словаре советского периода «сакральных», «религиозных» значений слова *чистый* объясняется идеологическими установками того времени, распространявшимися и на сферу лексикографической интерпретации лексики.

При построении истории семантического развития слова следует иметь в виду вхождение слова в некоторый класс (некоторые группы и подгруппы) слов. В настоящем исследовании учитывается, что слово *чистый* является представителем класса прилагательных, а, как известно, в течение XVIII–XIX вв. класс имен прилагательных пополнялся и расширялся со значительной быстротой, соответственно общему темпу роста русского языка. Все усиливающийся приток народных выражений и эпитетов в русскую литературную речь с XVI–XIX вв. значительно расширил в ней область эмоциональных, красочных определений [1, с. 153].

Среди тех значений, которые не утратились с течением времени, можно отметить следующие: «чистый, незамаранный, незагрязненный», «чистой», «свободный от обязательств», «чистый, без примеси». Проследим эволюцию некоторых из них, начиная с библейских текстов.

1. Чистый, незамаранный, незагрязненный (**измъвеныи не трѣбуѣтъ тѣкъмо нозѣ оумыти, ѣсть во вьсь чистъ**. Ио. XIII. 10. Остр. ев. → Чистое белье, мытое. – комната, где неть сору, грязи, пыли → рубашка, полотенце // Содержащийся в опрятности; опрятный... Небольшая, низенькая комнатка ... была очень чиста и уютна. Тургенев. Отцы и дети).

2. Свободный от обязательств. Аже гдѣ будетъ запродале..., а то ему выкупити своимъ серебромъ, святому Спасу земля чиста. Отводн. Ковал. Мон. Ок. 1400 г. → Устар. Свободный от долгов, задолженности и т. п. (имение).

3. Чистой. На чистою – на бѣло: – На чистое писати (ad reponendum) Прохор XLVI. Жит. Ио. Богосл. → бумага неписанная, белая или начисто переписанная, беловая → Сделанный, выполненный тщательно, аккуратно и искусно (отделка, резьба, выделка) // Переписанный в окончательном виде, без помарок; белой (чистый, только что переписанный лист).

4. Чистый, безъ примѣси. Чаша... ѿ злата чиста. Исх. XXV.29. Сбор. Волог. XV в. Ак. Н. → 1. Чистый, незамаранный, незагрязненный \\\ Безъ примеси, подмеси, ровный и самъ по себе вода, вино; – золото, без сплава, или пробное, высокое, червонное → Без примеси чего-либо постороннего или с незначительной примесью (золото, шерсть).

Именно благодаря основным (неизменяемым значениям) концепт «чистый» мы рассматриваем в ряду других концептов, которые в зависимости от исторической ситуации могут наполняться новым смыслом, но, тем не менее, остаются «базовыми для человеческого сообщества».

Общеизвестно, что изучение концептов направлено преимущественно на выявление отличительных черт репрезентируемого объекта: установление его этнокультурной специфики. Хотелось бы отметить, что, наряду с изучением происхождения многозначного слова *чистый*, нас интересует и этимология фразеологических оборотов, включающих в свой состав названный адъектив. На наш взгляд, культурологический фактор является одним из основных способов раскрытия глубинной структуры концепта в современном русском языке.

В Опыте этимологического словаря русской фразеологии находим объяснение происхождения нескольких фразеологизмов, включающих в свой состав прилагательное *чистый*.

Чистой воды. – Настоящий, совершенный. Вероятно, калька. Ср. франц. *Diamant de la plus belle eau*. Первоначально об алмазах, качество которых оценивали, опуская в прозрачную воду (если камня в воде не было видно, то он был настоящим, лучшего качества). *Вывести\ выводить на чистую воду* кого-либо. Разоблачить кого-либо, уличить кого-либо в чем-либо. Собств. русск. Букв. – вывести рыбу, которая попала на крючок, на чистую (открытую) воду [12, с. 35, 155].

Подводя итоги, хотелось бы заметить, что происхождение многих русских слов до сих пор остается неясным (не является исключением и слово *чистый*). Довольно часто на страницах этимологических словарей можно встретить словосочетания «надежной этимологии у слова нет» или «происхождение неясно». В использованных нами словарях приводится, как правило, не одно, а два или несколько различных объяснений. Следовательно, работу, «которая может привести к успешному раскрытию тайны происхождения слова», следует продолжать, привлекая сравнительно-исторический метод (сравнение наиболее древних языковых форм с архаическими формами родственных языков), анализируя фонетические изменения и учитывая данные лингвокультурологии.

Библиографические ссылки

1. **Виноградов В. В.** Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.
2. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – 2-е изд. – Т. 4 (Р–У). – М. : Гос. издат. иностр. и нац. словарей, 1955. – 683 с.
3. **Зализняк А.** Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.
4. **Демченко В. Н.** О разграничении частей речи в современном русском языке (имена прилагательные и их отношение к другим частям речи) / В. Н. Демченко. – Горький : Изд-во Горьковского ун-та им. Н. И. Лобачевского, 1975. – 79 с.
5. **Откупщиков Ю. В.** К истокам слова. Рассказы о науке этимологии / Ю. В. Откупщиков. – 4-е изд., перераб. – СПб. : «Авалон», «Азбука-классика», 2005. – 352 с.
6. **Сергиенко Н. А.** Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификаторами «чистый \ грязный» и «clean \ dirty» (по материалам лексикографии) : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Н. А. Сергиенко. – Екатеринбург, 2006. – 20 с.
7. **Словарь русского языка:** в 4-х т. – Т. 4 (С–Я) / АН СССР Ин-т русского языка / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. язык, 1988. – 800 с.
8. **Словарь языка Пушкина :** в 4-х т. – Т. 4 (С–Я) / [главн. ред. В. В. Виноградов]. – М. : Гос. издат. иностр. и нац. словарей, 1961. – 1048 с.
9. **Срезневский И. И.** Словарь древнерусского языка / И. И. Срезневский. – Т. 3. – Ч. 2. – М. : Книга, 1989. – 1683 с. – (Репринтное изд.).
10. **Тарабасова Н. И.** Некоторые черты московской скорописи XVII века / Н. И. Тарабасова // История русского языка. Памятники XI – XVIII: сб. науч. ст. – М. : Наука. – С. 170–221.
11. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стереотип. – Т. 4 (Т–Я). – М. : Прогресс, 1987. – 864 с.
12. **Опыт этимологического словаря русской фразеологии** / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. – М. : Рус. яз., 1987. – 237 с.
13. **Языковая картина мира и системная лексикография** / [отв. ред. Ю. Д. Апресян] / РАН, Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

Надійшла до редколегії 10.06.08